

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1341–1351, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 801.73

**Смеховое слово и его функции
 в романе Д. С. Сугралинова
 «Мета-игра. Пробуждение»**

Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева^{1,2}

***Metagame. Awakening*
 by D. Sugralinov: Laughing
 Word and Its Functions**

Annel T. Baktybayeva^{1,2}

¹ Казахско-американский университет (д. 28, ул. Рыскулбекова, 050036 Алматы, Республика Казахстан)

¹ Kazakh American University (28, Ryskulbekov St., 050036 Almaty, Republic of Kazakhstan)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (д. 68/1, ул. Большевикская, 430005 Саранск, Российская Федерация)

² Ogarev National Research Mordovia State University (68/1, Bolshevistskaya St., 430005 Saransk, Russian Federation)

кандидат филологических наук, доцент

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-8980-0511. E-mail: smile_1713[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Бактыбаева А. Т., 2025

© Baktybayeva A. T., 2025

Аннотация. Цель статьи — анализ смехового слова и его функций на разных уровнях художественного текста романа Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение» с учетом уже существующих на сегодняшний день мировоззренческих и эстетических теорий. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые в казахстанский литературный и научный оборот вводится системный анализ функций смехового слова в тексте произведения казахстанского автора нового времени. **Результаты.** Смеховое слово используется в работе как неотъемлемая часть теории смеховой культуры, восходящей к исследованиям М. М. Бахтина, и осмысливается как универсальное средство художественного моделирования действительности. Это сложный художественно-эстетический комплекс. Он включает такие приемы выражения комического, как ирония, насмешка, улыбка, хихиканье и другие. Использование сравнительно-исторического, типологического, социокультурного *методов*, а также метода целостного анализа художественного произведения позволило установить истоки возникновения мотива смехового слова, определить его характер — постоянный или эпизодический — и выявить его эстетико-семантические функции в структуре художественного текста. Филологический анализ произведения показал, что, во-первых, смеховое слово в художественном тексте выступает не просто элементом комического, но и универсальным способом формирования мировидения героя и автора, выражающим особенности игрового, ироничного сознания

личности в цифровую эпоху. Во-вторых, формы проявления смехового слова — улыбка, ирония, сарказм, насмешка — элементы, выполняющие портретные, пейзажные, речевые и психологические функции. В-третьих, смеховое слово раскрывает внутренний мир главного героя — 19-летнего юноши, у которого до недавнего времени был ДЦП, Матвея Колесникова, чья самоирония и критическое восприятие реальности отражают специфику его латерального мышления. Смеховое слово у Д. С. Сугралинова приобретает карнавально-праздничный характер. Оно формирует особое мироощущение, в котором комическое не всегда бывает смешным, а становится способом философского осмысления жизни.

Ключевые слова: роман жанра LitRPG, смеховое слово, комическое, серьезность

Для цитирования: Бактыбаева А. Т. Смеховое слово и его функции в романе Д. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение» // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 6. С. 1341–1351. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1341-1351

Abstract. Goals. With due regard of the existing worldview and aesthetic theories, the article examines D. Sugralinov's *Metagame. Awakening* for an analysis into its laughing word and the latter's functions at various levels. In Kazakhstani literary and academic discourse, the article is first to comprehensively analyze functions of laughing word in a narrative by a modern Kazakhstani author. **Methods.** The comparative historical, typological, sociocultural methods and that of holistic analysis have proved instrumental in revealing sources for the emergence of laughing word's motif, determining its character (whether constant or episodic), identifying its aesthetic and semantic functions in fiction text structures. **Results.** The paper examines laughing word as integral to the theory of laughter culture rooted in M. Bakhtin's studies, and understands the former as a universal means of artistic modeling of reality. This is a complicated artistic and aesthetic pattern that includes such techniques of expressing the comic as irony, mockery, smiles, giggles, etc. The philological analysis has revealed that, firstly, laughing word in the literary text acts not simply as a comic element but also as a universal means of shaping the protagonist and author's world image, expressing features inherent to playful and ironic consciousness of an individual in the digital age. Secondly, the forms of laughing word's manifestation — smiles, irony, sarcasm and mockery — prove elements that fulfill portraying, landscape, speech and psychological functions. Thirdly, laughing word reveals the inner world of the protagonist — Matvey Kolesnikov, a nineteen-year-old boy who has until recently suffered from cerebral palsy. So, his self-irony and critical perceptions of reality reflect the specific nature of his lateral thinking. In D. Sugralinov's novel, laughing word takes carnival-like, festive forms. It shapes a unique world image in which the comic is not always funny but rather becomes a means of philosophical understanding of life.

Keywords: LitRPG novel, laughing word, comic, seriousness.

For citation: Baktybayeva A. T. *Metagame. Awakening* by D. Sugralinov: Laughing Word and Its Functions. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 6. Pp. 1341–1351. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1341-1351

1. Введение

Важная задача современного литературоведения — изучение своеобразия поэтики творчества писателя и его авторского стиля. Большим подспорьем в исследовании этих аспектов является анализ *смехового слова* как особого типа художественно-языкового высказывания. Как отмечает О. Е. Осовский, «смеховое слово», введенное М. М. Бахтиным, представляет собой не просто риторическую или стилистическую фигуру, а философско-эстетическую кате-

горию, уходящую своими корнями в народную «смеховую» (праздничную) традицию [Осовский, Дубровская 2014: 164]. Оно реализуется в тексте посредством авторской интонации, иронии, насмешки, гротеска, гиперболы, формируя многослойное смысловое пространство произведения.

Смеховое слово, по мысли исследователя, обладает принципиальной открытостью, рождается на стыке языков и культур, что делает его универсальным механизмом культурного диалога. В этом отношении оно

перекликается с современными концептами транскультурности и гибридности (Х. Бхабха, У. Эко), отражая способность культуры к самоиронии, саморазрушению и последующему обновлению [Bhabha 1994; Eco 1989]. Одновременно смеховое слово изменяет семантический масштаб высказывания, трансформируя внутренний мир персонажей и художественную структуру текста.

Такое понимание смехового слова открывает новые перспективы для анализа литературных явлений. В современном литературоведении сложилась разветвленная система исследований, посвященных феномену смехового слова.

Постоянный интерес современной гуманитарной науки Казахстана к проблемам диалогичности, интертекстуальности и комического дискурса обуславливает актуальность настоящего исследования. Обращение к комическому как важной составляющей универсального механизма художественного мышления позволяет выявить глубинные связи между народной праздничной традицией и литературным сознанием начала XXI в.

Рассматриваемый материал вносит вклад в разработку методологии анализа комического и смехового дискурса, соединяя бахтинскую теорию народной смеховой культуры с конкретным текстологическим материалом, что способствует уточнению понятийного аппарата литературоведения и расширяет границы исследования комического как категории эстетики.

Произведение современного казахстанского автора Данияра Сугралинова еще не было предметом целенаправленного изучения, и это определяет *научную новизну* нашей статьи.

Объектом изучения стал роман Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение». Предметом исследования является смеховое слово, которое стремится передать авторское мировидение и его восприятие в контексте литературных традиций. Цель статьи — анализ смехового слова и его функций на разных уровнях художественного текста романа с учетом уже существующих на сегодняшний день мировоззренческих и эстетических теорий.

Литература Казахстана за последние 30 лет заметно обновилась с точки зрения жанровости и тематики. Так, например, произведения Д. С. Сугралинова, сохраняя константные признаки структуры метажанра, стали отправной точкой для новых вариаций своего воплощения — жанрах LitRPG.

Жанр LitRPG — современный игровой жанр фантастической литературы. Впервые он появился в западноевропейской литературе, опираясь на традиции сказки, рыцарского романа, моделирующего новый миф борьбы Хаоса и Космоса, и имел развлекательную функцию. Разумеется, казахстанский жанр LitRPG вторичен по отношению к западноевропейскому, но, как отмечал М. Эпштейн, он *«расширяет границы оригинала, поскольку берется не как часть более обширной и сложной окружающей действительности, где он своеобразно переплетается с другими явлениями, а как выдернутый из контекста знак самого себя»* [Эпштейн 2000: 90]. Это объединяет Д. С. Сугралинова с представителями не только западноевропейского постмодернизма, но и других направлений массовой литературы. При этом, не повторяя друг друга, каждый из писателей *«буквально стремился сохранить, при всей его изменчивости, собственное тождество в фэнтези»* [Плотникова 2005: 272].

2. Материалы и методы

Как отмечалось выше, под смеховым словом мы понимаем такое слово, которое порождено смехом и которое одновременно само порождает смех, комическое. Свое начало это слово берет в народном празднике, поэтому оно амбивалентно и универсально.

М. М. Бахтин считал, что природа смехового слова *«...очень специфична, поскольку само слово по-особому относится и к автору, и к изображаемому предмету; оно своеобразно чувствует окружающий его контекст и соответственно отношение к общему языку и речевым нормам. Оно рвет все то, что есть в глубинном и безличном языковом мировоззрении»* [Бахтин 1965: 182–183].

Смех и смеховое слово в бахтинском понимании — элемент художественного со-

знания и механизм культурной коммуникации. Именно с опорой на данное положение М. М. Бахтина в своей работе «Марксизм и философия языка» В. Н. Волошинов исследовал социальную природу слова и многоголосие речи [Волошинов 2000; Бахтин 1973; Бахтин 1986]. Это стало отправной точкой для последующих интерпретаций смехового слова как социально диалогического феномена. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский рассматривали смех и его составляющие как семиотический механизм культуры, который раскрывает границы нормы и отклонения в тексте [Лотман, Успенский 1977]. А. С. Смирнов [Смирнов 2004], В. И. Тюпа [Тюпа 2003], М. Л. Гаспаров [Гаспаров 1979] акцентировали внимание на анализе эстетической и поэтической структуры комического слова в литературе Нового времени. Н. А. Ханзен-Леве и В. В. Бибихин опирались на философско-онтологический аспект смеха и смехового языка [Ханзен-Леве 2017; Бибихин 2008]. В трудах И. П. Ильина, В. А. Кожина, Г. Д. Гачева слово — это проявление национального типа мышления в русской литературе [Ильин 1996; Кожин 1991; Гачев 1999]. В современном литературоведении концепцию смехового слова разрабатывают В. И. Осовский [Осовский 2011], Т. В. Цивьян [Цивьян 2001], Н. Л. Лейдерман [Лейдерман 2010], А. Н. Архангельский [Архангельский 2015], Ю. В. Кравцова [Кравцова 2009], И. А. Кукулин [Кукулин 1997], М. Ю. Асанина [Асанина 2004], И. А. Обухова [Обухова 2012]. Эти исследователи связывают смеховое слово с постмодернистской иронической стратегией, карнавализацией и феноменом языковой игры.

В работах В. П. Киржаевой прослежены формы присутствия смехового слова в различных типах художественного и нехудожественного дискурсов — от древнерусской словесности до современной литературы [Киржаева 2006]. Особое внимание в работах С. П. Гудкова [Гудкова 2011], С. А. Дубровской [Дубровская 2009], Е. А. Федосеева [Федосеева 2007] уделено вариативности проявлений смехового слова в произведениях русской классики и новейшей прозы, а также в текстах авторов русской эмиграции, где оно приобретает новые смысловые ак-

центы, связанные с проблемой культурной памяти и самоидентификации.

Таким образом, исследование смехового слова сформировалось как междисциплинарное направление, объединяющее философию, семиотику, теорию литературы и культурологию, а его истоки и развитие прочно связаны с бахтинской школой и ее последователями.

3. Результаты и обсуждение

Большая часть смехового слова в романе «Мета-игра. Пробуждение» связана с главным героем — Матвеем Колесниковым. Это девятнадцатилетний студент, у которого с рождения ДЦП. После неудачного посещения молодежной вечеринки он попадает в больницу, и с ним начинают происходить странные события. По ночам к нему приходит доктор, которого никто не видит. И он вживляет Матвею фантастический гаджет, который позволяет заглянуть в будущее, наделяет его сверхспособностями и открывает путь к обратной стороне реальности, в глобальную Мета-игру, населенную загадочными, опасными монстрами и другими мета-игроками.

В ситуациях с Матвеем автор проецирует собственную творческую активность и объективирует свое авторское сознание. Именно этот персонаж становится носителем авторской интенции, выполняя функции инициатора действия и одновременно выступая создателем собственного «текста» — совокупности реплик, жестов, моделей поведения, обладающих семиотической значимостью. Внутри этих обстоятельств, подчиненных логике развития, выявляется и проверяется степень экзистенциальной состоятельности Матвея, т. е. его личные качества, интеллект и социальная адаптация, а также потенциал деструктивности его поступков по отношению к окружающим.

Другими словами, смеховое слово и его пространство выступают как испытательный контекст, где герой через игровое самопроявление демонстрирует не только особенности своего мировосприятия, но и уровень внутренней гармонии или кризиса, т. е. степень человеческой целостности в условиях смеховой проверки.

Подобная авторская стратегия, как отмечает С. А. Дубровская, связана с процессом саморефлексии художественного сознания, когда автор не только конструирует художественную реальность, но и встраивает в нее проекции собственного «я», что придает описываемым событиям черты метатекстуальности и интерсубъективного диалога [Дубровская 2012: 80]. Таким образом, главный герой становится медиатором авторского высказывания, превращаясь в организующий центр смыслового пространства романа. Герой, если он функционирует в сфере комического дискурса, становится активным конструктором ситуаций, в которых осознанно моделирует обстоятельства действия.

Постоянное балансирование между унынием (чувством подавленности и безысходности) и грустью (чувством печали), с одной стороны, радостью и весельем — с другой, подталкивает автора данного произведения уже с первых страниц романа находить иронично-саркастическое в повседневном. «Смеховое слово» изначально формирует особую атмосферу «серьезно-смехового», задавая тон двойственности восприятия мира. Этот прием Д. С. Сугралинов использует для экспериментирования с различными ситуациями, придавая повествованию выразительность, динамику и художественную многоплановость. Смеховой элемент характеристики персонажей делает более объемной и колоритной, а также способствует расширению художественного пространства текста, где комическое и трагическое взаимодействуют в сложной системе смыслов.

Активное разыгрывание смехового слова героями, принадлежащими к разным социальным слоям, использование комических сюжетов и говорящих имен персонажей (например, Найт, Чуча, Скай и другие) позволяют автору выявить и отразить внутреннюю полярность не только общества, но и характера самого героя. Эти противоречия коренятся как в социальных конфликтах современности, так и в диалектической природе человеческой личности, в ее внутренней раздвоенности и борьбе противополо-

жных начал. Подобный подход органично соотносится с категорией неожиданности и функционирует как особый контекст — как исторически обусловленная, культурно закрепленная форма художественной деятельности [Витгенштейн 1985: 82]:

«— На следующем поедешь, пьянь! — Меня часто принимали за пьяного, так что я не обиделся — привык. ...Пиликнул кодовый замок подъезда... Судя по залиvistому смеху и болтовне, все были навеселе. Я обреченно вздохнул, не ожидая ничего хорошего...»

— Обкурился, — предположила девушка. — Лыбится чего-то...

Я не лыбился, просто слабо контролировал лицевые мышцы, из-за чего на моей физиономии вечно висела дурацкая ухмылка...

— Таки пьяный! — воскликнула другая...

— Не видите, болен? Дэцэпэшиник...

Общими усилиями они подняли меня с заплеванного холодного пола, довели до лифта... За закрывшимися створками кабины раздался беззлобный смех. Уверен, что кто-то из них пошутил на мой счет, но я уже привык» [Сугралинов 2020: 6–7].

Смеховое слово в некомической ситуации — мимика лица — помогает писателю сделать акцент на особом его выражении, что в определенной степени роднит данный образ с образом шута. Наряду с этим подобное слово-высказывание — важный элемент романного языка и говорящего человека. «Смеховое слово» функционирует здесь по принципу контраста, выступая средством усиления и художественного обострения внутреннего трагизма эпизода, выявляя скрытые смыслы и усиливая эмоциональное напряжение повествования.

Улыбка / ухмылка — это портретная мимическая деталь, которая в определенный момент становится гримасой и в данном романе является лейтмотивной. Уже на первых страницах произведения она не только присутствует в описании внешности Матвея, но и стремится передать его мысли и чувства: «привык». Функция смехового слова — изобразительная. В приведенном отрывке писатель использует его при описания лица героя, и одновременно с этим про-

исходит как бы нанизывание на слово некоторых событий, предоставляющих героям возможность шутить и смеяться не только над окружающими, но и над собой.

Поведенческое состояние Матвея-дэцэ-пэшника напоминает клоуна, а цирк становится яркой метафорой человеческого существования. Именно здесь с наибольшей наглядностью раскрывается соединенность противоположностей — разума и инстинкта, порядка и хаоса, трезвости и неистовства, внешней покорности и внутреннего бунта. Цирк словно отражает саму жизнь, где смех и боль, игра и правда, гармония и безрассудство неразделимы и существуют в одном движении человеческой души.

«— А вот и Мотька! — обрадовалась Оля... Она улыбнулась, блеснув белоснежными зубами. Глядя на нее, и я заулыбался. Она мне всегда нравилась. Даже очень» [Сугралинов 2020: 12].

В этом отрывке улыбка — изобразительная деталь в поведении одной из героинь романа. Она передает не только ее внешний облик. «Обрадовалась», «улыбнулась» расширяют психологический образ, подчеркивая важную черту в ее характере и поведении — доброжелательное отношение к окружающим ее людям.

Иногда смеховое слово дополняет психологический образ героя, подчеркивая важную черту в его характере и поведении:

«— Понял, — осклабился тот. — А что, он уже жаловался, что его обидели? ... Сидящие вокруг пацаны с готовностью рассмеялись».

— Так это же Мотя-шмотя! — истошно заорал какой-то пацан. — Мотя-дурачок!

Он, кривя губы, изобразил мою старую манеру разговаривать, чем вызвал новый взрыв смеха. Я почувствовал, как сжимаются кулаки, но сдержался» [Сугралинов 2020: 52]. В данном фрагменте смех как реакция на сказанное подчеркивает мимику говорящего и одновременно с этим — деталь в его поведении. Смеховое слово амбивалентно, потому что сочетает в себе отрицательное и положительное. Здесь своего рода карнавальная ситуация. Как отмечает М. М. Бахтин, карнавализация имеет «важ-

ное отношение ко времени», потому что в ее основе находится конкретная концепция природного (биологического) или исторического времени. Оно связано с «кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека». Чаще всего это моменты «возрождения и смерти», «обновления и смены» [Бахтин 1965: 16–17]. Карнавализация дополняет внесударственный, противоположный взгляд на реальность, на человека и его отношения к тому, что его окружает, пародируя принятые в коллективе конкретные нормы — правила общественной жизни. Поэтому основными героями смеховой культуры являются шуты и дураки, на которых накладывается карнавальное начало.

Ухмылка и смех в данном примере — это далеко не дружеское расположение, веселье. Это, скорее всего, оскорбление и издевка над главным героем и его поступками. Эта портретная деталь — одно из средств противопоставления Матвея — главного героя романа, и дворовых пацанов — участников беседы.

Дворовый пацан, который обзывается, становится для автора инструментом художественного воплощения амбивалентности человеческого существования, позволяющим раскрыть внутренние противоречия сегодняшнего дня. Этот диссонанс проявляется не только на уровне социальных коллизий, но и в двойственности духовного мира героя-повествователя. Истошно закричавший пацан становится объектом смехового разоблачения и развенчания, потому что своим поведением причиняет страдания другим и в первую очередь Матвею. Он ограничивает его свободу, подавляет возможность его самореализации. Смеховое слово в этом случае выступает инструментом морального возмездия, способом восстановить нарушенное равновесие, вернуть чувство человеческого достоинства тому, кто оказался физически ущемлен. «Смеховое слово» выполняет многослойную функцию: оно усиливает иллюзию подлинности изображаемых событий, придает повествованию живость и динамику, формирует выразительные психологические характеристики персонажей, а также выполняет

эстетическую функцию контраста — снижая чрезмерную степень жестокости, оно тем самым усиливает трагедийное звучание текста, заставляя читателя глубже почувствовать драматизм молодого человека, имеющего диагноз ДЦП. И в данном случае смех — это способ переосмысления себя и окружающей действительности.

Знаменитое бахтинское «снижение», неизменно сопровождающее смех, служит способом сближения противоположных начал — великого и обыденного, высокого и приземленного, прославленного и ничтожного. Смех, который обычно выражает положительные эмоции, в данном случае приобретает характер отрицающего смеха. Он сопровождает разговор, в котором участники обсуждают события и героев романа, но направлен не столько на предмет обсуждения, сколько на самих говорящих. Таким образом, смех становится формой сарказма, когда, посмеиваясь над другими, персонажи невольно смеются над собой, создавая эффект внутреннего «снижения» и обнажения человеческой природы.

«Ярослав Исаевич ... тепло улыбнулся. Зубы у него были редкие, потемневшие, но улыбка все равно вышла теплой благодаря сеточке морщин вокруг живых выразительных глаз» [Сугралинов 2020: 27]. Здесь смеховое слово связано с улыбкой — портретной художественной деталью, выполняющей изобразительную функцию. Но при этом она представлена как вполне самостоятельное явление, не очень зависящее от того, кому она принадлежит. Улыбка — это не просто мимическое движение губ, обнажение зубов и т. п. Это выражение лица, что свидетельствует об искренности проявляемого чувства. Душа человека, который улыбается, открыто свидетельствует о его расположении. И здесь смеховое — это механизм интонации, когда обычное слово изменяет и подчеркивает смысловой акцент, становясь портретной деталью — своего рода показателем объединения героев, как и в следующем отрывке: *«А еще Оля. При мысли о девушке я непроизвольно улыбнулся, внутри что-то колыхнулось. Уже завтра ее снова увижу...»* [Сугралинов 2020: 126]. Улыбнулся — физиогномическая деталь в

описании внешности героя. Некоторое стеснение и вместе с тем большая надежда, которые испытывает герой, находят выражение в данной детали. Она призвана встроить визуальное представление о девушке, которой симпатизирует Матвей, равно как и заявить о его определенных чувствах.

Смеховое слово, по мнению С. А. Дубровской, появляется «на меже» языков и культур, что усиливает свободу и гибкость выражения [Дубровская 2012: 80], поэтому в данном произведении — это не только составная часть положительных героев романа: *«Хозяин визгливо рассмеялся. От звука его смеха меня уже выворачивало, но делить я теперь ничего не мог»* [Сугралинов 2020: 117]. Смех, рассмеялся, осклабился и т. п. — негативные характеристики этой эмоции чаще всего и связаны с отрицательными героями у Д. С. Сугралинова, что помогает ярче нарисовать героев «темного» мира. Для автора важно, что смех и смеховое слово становятся первыми признаками-характеристиками их речи. Деталь-эпитет «визгливо» и звук смеха, от которого появляется тошнота, передаются через восприятие главного героя и свидетельствуют о его противостоянии им.

«— Не ерунда, а креатив! — хихикнул в ответ Скрай» [Сугралинов 2020: 132]. В приведенной цитате «хихикнул» — изобразительная звуковая деталь, передающая степень интенсивности смеха. С одной стороны, она сообщает подавленное, неявное, скрытое отношение Скрая к главному герою — Матвею. С другой, этот звук создает впечатление-предостережение игрокам о возможном исходе игры для них — провал.

«Она ... покровительственно усмехнулась: — Да ты попробуй, попробуй, Найт. Расскажешь потом, что вышло... если сможешь» [Сугралинов 2020: 135]. Здесь усмешка — это деталь-маркер саркастического и немного недоверчивого отношения со стороны мета-игроков к новичку Найту (Матвею). Данное описание демонстрирует определенную неуверенность в себе главного героя, его душевные смятения по случаю первого серьезного сражения в Мета-игре.

«Когда дверь за ним закрылась, сидящий в кресле Артур Кан сдержанно улыбнулся.

— *Интересно, будешь ли ты благодарен мне, Матвей Колесников, когда узнаешь всю правду, или, наоборот, проклянешь меня?* — пробормотал он, задумчиво поглаживая бородку» [Сугралинов 2020: 254].

Г. Е. Крейдлин выделяет три семантических типа улыбок [Крейдлин 2002: 88]: улыбки-чувства, которые делятся на положительные и отрицательные; улыбки, передающие состояния / свойства; улыбки-отношения. Сюда же можно отнести те улыбки, которые стремятся передать эмоциональные, социальные, этикетные виды общения. В данном отрывке улыбка — изобразительная деталь, передающая хладнокровное отношение думающего к предмету своих мыслей, и в определенной степени высокомерность, которая продиктована межличностным взаимоотношением.

4. Выводы

Смеховое слово в произведении современного казахстанского автора Д. С. Сугралинова — это «глубокое мирозерцающее явление, одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир; видящая мир по-иному, но, тем не менее, существеннее, чем серьезность; поэтому смех так же допустим в большой литературе (притом ставящей универсальные проблемы), как и серьезность; какие-то очень существенные стороны доступны только смеху» [Бахтин 1965: 16–17].

Смеховое слово бывает выражено посредством улыбки, хихиканья, ухмылки,

смеха и т. п. Оно стремится показать отношение говорящего к окружающей его действительности, тем или иным героям романа и их взаимоотношения друг с другом. Оно используется для изображения внешности героев, характеристики их внутреннего мира, при передаче их эмоций и чувств.

Некоторый аскетизм в использовании смехового слова становится отличительной особенностью портретных характеристик героев данного произведения. В значительной степени они призваны предупредить о том, что мир, который окружает героев романа жанра LitRPG, существует как неизбежность. Это дает писателю возможность не только варьировать формы проявления «смехового слова» в речевом поведении различных персонажей, но и превращать его в действенный художественный инструмент, обеспечивающий эмоциональную насыщенность повествования и создающий эффект художественной достоверности происходящего. Автор показывает, что смеховое слово не сводится к сатирическому или пародийному приему: оно становится способом творческого постижения действительности, выражением духовной свободы и внутреннего диалога эпохи. Роман Д. С. Сугралинова «Мета-игра. Пробуждение» демонстрирует, что смеховая интонация в прозе выступает не как внешняя комическая окраска, а как глубокий принцип поэтики, соединяющий серьезное и смешное, высокое и низкое, трагическое и комическое. Тем самым смеховое слово оказывается связующим звеном между характером героев романа и авторским художественным самосознанием.

Источники

Сугралинов 2020 — Сугралинов Д. С. Мета-игра. Пробуждение. М.: T8RUGRAM. 2020. 256 с.

Литература

Архангельский 2015 — Архангельский А. Н. Эффект бабочки. М.: Издательские решения, 2015. 120 с.

Sources

Sugralinov D. Metagame. Awakening. Moscow: T8RUGRAM, 2020. 256 p. (In Russ.)

References

Arkhangelsky A. The Butterfly Effect. Moscow: Izdatelskie Resheniya. 2015. 120 p. (In Russ.)

- Асанина 2004 — *Асанина М. Ю.* «Смеховое слово» в художественной прозе У. Фолкнера второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. (на материале произведений «Йокнапатофского цикла»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 24 с.
- Бахтин 1965 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965. 545 с.
- Бахтин 1973 — *Бахтин М. М.* Фрейдизм // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1973. С. 84–126
- Бахтин 1986 — *Бахтин М. М.* Формальный метод в литературоведении и эстетике // Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка. М.: Прогресс, 1986. С. 31–79.
- Бибихин 2008 — *Бибихин В. В.* Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
- Витгенштейн 1985 — *Витгенштейн Л. С.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 79–97.
- Волошинов 2000 — *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка // Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.). Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. С. 349–486.
- Гаспаров 1979 — *Гаспаров М. Л.* Бахтин в русской культуре XX века // Вторые моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111–114.
- Гачев 1999 — *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
- Гудкова 2011 — *Гудкова С. П.* Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980 – 2000-х годов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2011. 41 с.
- Дубровская 2009 — *Дубровская С. А.* Смех и «смеховое слово» в творческом сознании Н. В. Гоголя // Гоголевский сборник. Вып. 3(5). СПб. Самара: ПГСГА, 2009. С. 8–17.
- Дубровская 2012 — *Дубровская Д. А.* «Смеховое слово» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Гуманитарные науки и образование. 2012. №3(11). С. 79–82.
- Asanina M. Yu. The Laughing Word of William C. Faulkner, Mid-1920s to Early 1930s: Analyzing Writings of the Yoknapatawpha Cycle. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Nizhny Novgorod, 2004. 24 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Rabelais and His World. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1965. 545 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Freudianism // Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1973. Pp. 84–126. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. The Formal Method in Literary Scholarship and Aesthetics // Voloshin V. N. (Bakhtin M. M.). Marxism and the Philosophy of Language. Moscow: Progress Publishers, 1986. Pp. 31–79. (In Russ.)
- Bibikhin V. Word and Its Inner Form. St. Petersburg: Nauka, 2008. 420 p. (In Russ.)
- Wittgenstein L. Philosophical Investigations. In: The New in Foreign Linguistics. Vol. 16: Linguistic Pragmatics. Moscow: Progress, 1985. Pp. 79–97. (In Russ.)
- Voloshin V. N. Marxism and Philosophy of Language. In: Voloshin V. N. (Bakhtin M. M.). Marxism and Philosophy of Language. Moscow: Labirint, 2000. Pp. 349–486. (In Russ.)
- Gasparov M. L. Bakhtin in twentieth-century Russian culture. In: Secondary Modelling Systems. Tartu, 1979. Pp. 111–114. (In Russ.)
- Gachev G. D. National Images of the World. Eurasia — the Universe of Nomad, Farmer, and Highlander. Moscow: Institut DI-DIK, 1999. 368 p. (In Russ.)
- Gudkova S. P. Major Genre Forms in Russian Poetry, Mid-1980s – 2000s. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Saransk, 2011. 41 p. (In Russ.)
- Dubrovskaya D. A. Laughter and 'laughing word' in N. Gogol's creative consciousness. In: The Gogol Collection. Vol. 3 (5). St. Petersburg, Samara: Volga State Academy for Social Sciences and the Humanities, 2009. Pp. 8–17. (In Russ.)
- Dubrovskaya D. A. "Laughter discourse" in A. S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter". *The Humanities and Education*. 2012. No. 3(11). Pp. 79–82. (In Russ.)

- Ильин 1996 — *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 255 с.
- Киржаева 2002 — *Киржаева В. П.* Лингвистическая проблематика в книгах, статьях и набросках М.М. Бахтина. Статья первая // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 1. Саранск: Респ. тип., 2002. С. 36–55.
- Киржаева 2006 — *Киржаева В. П.* Конструкция гибридная // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. II–III. Саранск: Респ. тип., 2006. С. 141–142.
- Кожин 1991 — *Кожин В. В.* Размышления о русской литературе М.: Современник, 1991. 525 с.
- Кравцова 2009 — *Кравцова Ю. В.* Моделирование в лингвометафорологии // Культура народов Причерноморья. 2009. № 168. Т. 1. С. 396–398.
- Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
- Кукулин 1997 — *Кукулин И. В.* Эволюция взаимодействия автора и текста в творчестве Д. И. Хармса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 22 с.
- Лейдерман 2010 — *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2010. 904 с.
- Лотман, Успенский 1977 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–167.
- Обухова 2012 — *Обухова И. А.* «Смеховое слово» в ранних рассказах Пантелеймона Романова // Комическое в русской литературе XX в.: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Москва, 13–15 ноября 2012 г.) М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 160–165.
- Осовский 2011 — *Осовский О. Е.* «Смеховое слово» в терминологическом пространстве рукописи М. М. Бахтина о Рабле [электронный ресурс] // Актуальная теория: кризис историзма?. Мат-лы науч. конф. теории литературы ИМЛИ РАН (г. Москва, 27–28 октября 2011 г.). Новые российские гуманитарные исследования. 2011. № 6. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/262/> (дата обращения: 23.04.2025).
- Ilyin I. P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow: Intrada, 1996. 255 p. (In Russ.)
- Kirzhaeva V. P. Hybrid construction. In: Mikhail M. Bakhtin in Saransk. Documents, materials, studies. Vols. 2–3. Saransk: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. Pp. 141–142. (In Russ.)
- Kirzhaeva V. P. Linguistic issues in M. Bakhtin's books, articles and sketches. In: Mikhail M. Bakhtin in Saransk. Documents, materials, studies. Vols. 1. Saransk: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. Pp. 36–55. (In Russ.)
- Kozhinov V. V. Reflections on Russian Literature. Moscow: Sovremennik, 1991. 525 p. (In Russ.)
- Kravtsova Yu. V. Modelling in metaphorology. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2009. Vol. 1. No. 168. Pp. 396–398. (In Russ.)
- Kreidlin G. E. Non-Verbal Semiotics. Body Language and Natural Language. Moscow: NLO, 2002. 581 p. (In Russ.)
- Kukulin I. V. Evolution of Author-Text Interaction in Works of Daniil I. Kharmas. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1997. 22 p. (In Russ.)
- Leiderman N. L. Theory of Genre. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2010. 904 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A. Culture of Ancient Rus: New research aspects. *Voprosy Literatury*. 1977. No. 3. Pp. 148–167. (In Russ.)
- Obukhova I. A. 'Laughing word' in early short stories of Panteleimon Romanov. In: The Comic in Twentieth-Century Russian Literature. Conference proceedings (Moscow, 13–15 November 2012). Moscow: Institute of World Literature (RAS), 2012. Pp. 160–165. (In Russ.)
- Osovsky O. E. 'Laughing word' in terminological contexts of M. Bakhtin's manuscript on Rabelais. In: Actual Theory — Crisis of Historicism? Conference proceedings (Moscow, 27–28 October 2011; New Russian Humanities Research 6). Moscow, 2011. On: New Russian Humanities Research (journal website). Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/262/> (accessed: 23 April 2025). (In Russ.)

- Осовский, Дубровская 2014 — *Осовский О. Е., Дубровская С. А.* Разработка концепции «Смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4(34): в 3-х ч. Ч. I. С. 163–167.
- Осовskii O. E., Dubrovskaya S. A. Developing of conception of ‘risorial word’ in the works of M. M. Bakhtin of the 1930s–1960s. *Philology. Theory & Practice*. 2014. No. 4(34). In 3 pts. Pt. 1. Pp. 163–167. (In Russ.)
- Плотникова 2005 — *Плотникова С. Н.* Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005. С. 262–272.
- Plotnikova S. N. Conceptual standard of fantasy. In: *Speech Genres. Collected papers. Vol. 4: Genre and Concept*. Saratov, 2005. Pp. 262–272. (In Russ.)
- Смирнов 2004 — *Смирнов А. С.* Романтическая ирония в русской литературе пер. пол. XIX века и творчество Н. В. Гоголя. Гродно: Гродненск. ун-т, 2004. 134 с.
- Smirnov A. S. Romantic Irony in Early-to-Mid Nineteenth Century Russian Literature and N. Gogol’s Works. Grodno: State University of Grodno, 2004. 134 p. (In Russ.)
- Тюпа 2003 — *Тюпа В. И.* Место Гоголя в истории русской сатиры // Гоголь как явление мировой литературы. Сб. ст. по мат-лам междунар. конф. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 73–78.
- Tyupa V. I. Gogol’s place in the history of Russian Satire. In: *Gogol as a Phenomenon of World Literature. Conference proceedings*. Moscow: Institute of World Literature (RAS), 2003. Pp. 73–78. (In Russ.)
- Федосеева 2007 — *Федосеева Е. А.* Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция: дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2007. 444 с.
- Fedoseeva E. A. Book Forms of the Mordovian Heroic Epic: Emergence and Evolution. Dr. Sc. (philology) thesis. Saransk, 2007. 444 p. (In Russ.)
- Ханзен-Леве 2017 — *Ханзен-Леве Оге А.* Перспективы русского формализма: Логоцентризм вчера и сегодня // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: Новое литературное обозрение. 2017. С. 18–35.
- Hansen-Löve A. A. Prospects of Russian formalism: Logocentrism yesterday and today. In: *The Era of ‘Alienation’. Russian Formalism and the Contemporary Humanities*. Moscow: NLO, 2017. Pp. 18–35. (In Russ.)
- Цивьян 2001 — *Цивьян Т. В.* Семиотические путешествия. СПб.: Иван Лимбах, 2001. 248 с.
- Tsivyan T. V. Semiotic Travels. St. Petersburg: I. Limbakh, 2001. 248 p. (In Russ.)
- Эпштейн 2000 — *Эпштейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.
- Epstein M. Postmodernism in Russia: Literature and Theory. Moscow: R. Elinin Publishing House, 2000. 368 p. (In Russ.)
- Bhabha 1994 — *Bhabha H. K.* The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 440 p.
- Bhabha H. K. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. 440 p. (In Eng.)
- Eco 1989 — *Eco U.* The Open Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 285 p.
- Eco U. The Open Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 285 p. (In Eng.)

